

Норка-зверь

Жив сабе царь да царица. У них было три сына: два разумных, а третий дурень. У царя быв зверинец, у которам множества было разных зверей. В етат зверинец унадився вяликий зверь — Норка яго звали — и багата рабив шкоды: каждаяю ночь поедав зверей. Царь чаго не рабив — не мог истребить яго; во упосли сзывая сваих сынов да и кажа: «Хто истребить Норку-зверя, дам тому палавину царства». Во старший и памався: як только наступила ночь, ён взяв аружие и пашов; да не пашодши в зверинец, зайшов у трактир и там прагуляв целаю ночь. Схамянувся, як рассвяло, да поздно. Стыдно яму было перед аццом, да нечага рабить. На другой день и средний брат зрабив также; батько лаяв-лаяв их, да и перестав.

Во на третий день собрався меньший. Смеялись все з яго, бо був дурный, и яны думали, што ён ничего не зроби; а ён, узявши аружия, пашов прямо у зверинец да и сев над дерном, штоб — як только начне-засыпать — яны его кальнули, ён бы и проснувся. Уже звярнуло с павночи. Во застагнала зямля: то Норка-зверь бяжить и пряма через аграду в зверинец, бо такой бив вяликий. Царевич схамянувся, устав, перекрестився и пашов прямо на зверя; ён назад, царевич за им, а дале б́ача, што не даѓоня пешком, пабег в канюшню, узяв самага лучшага жеребца, да у пагоню: дагнав таго зверя да и давай бицца.

Бились яны, бились. Царевич дав зверю три раны. Во убое выбились из мочи да и лягли аддыхать. Як только царевич заснув, зверь устав да й наутёки. Конь б́удя царевича; ён схапився, да у пагоню; дагнавши, изнова зачали бицца. Царевич и тут зрабив зверю три раны, а дале лягли аддыхать. Зверь утёк; царевич, дагнавши, знова зрабив три раны, а дале, як у четвертый раз став даганяць, зверь дабег да великага белага камня, падняв яго и пашов на той свет, сказавши царевичу: «Тогда мяне пабедиш, як сюда придеш».

Царевич паехал и расказав аццу свайму все и прасив яго, штоб ён вялев звить кожаны канат такой довгий, штоб достав да таго свету. Атец вялев. Як зрабили канат, царевич, забравши сваих братьов, набравши слуг и всяго, што треба было на целый год, паехал туда, где зверь пашов пад камень. Приехавши, яны пастроили там дворец и стали жить. Приготовились; меньший брат и кажа старшим: «Ну, братцы, хто падымя сей камень?» Ни адин и з места не двинув, а ён як хватив, дак камень далеко палятев, а був

вяликий-вяликий — з гору. Кинувши камень, ён изнова и кажа братам: «А хто пайдя на тей свет пабивать Норку-зверя?» Не адин не взявсь; ён, насмеявшись над ими, што яны трусы, гаворя: «Ну, братцы, прощайтя; апускайтя мяне на той свет, а самы не адходтя ад сяго места, и як толька закалышицца канат — тащитя». Браты апустили яго.

Ачнувшись на том свете, пад землею, царевич пашов; ишов да ишов; дивицца, аж ходя конь в багатой збруе и кажа яму: «А, здрастуй, Иван-царевич; долга я дожидава тебе!» Ён сев на таго коня и паехал; едя да едя, глядять, аж стаить медный дворец. Ён въехал на двор, привязав каня да и пашов у комнаты. Там наготована абедать; ён сев, паабедава, да и пашов у спальню; там пастель, и ён лег аддыхать.

Во приходя панночка, да такая красивая, што ни здумать, ни згадать, только в казце сказать, да и кажа: «Хто в моем доме — азавися: кали старый — будеш батюшка, кали средних лет — брат, а кали маладой — муж любезный; а кали женщина да старая — будеш бабушка, средних лет — матушка, а кали маладая — сестра родная». Ён вышов. Яна, як пабачила яго, взрадавалася да и кажа: «Чаго, Иван-царевич (муж мой ты будеш любезный), чаго сюда приехал?» Ён рассказав ёй, што и як. Яна и кажа: «Той зверь, што ты хочеш пабедить, — мой брат. Ён тяперь у средней сястры, што живе недалеко адсюда в серебряном дворце; я яму залячила три раны, што ты зрабив».

Во упосли сяго яны пили, гуляли, добры мысли мали; а дале царевич, папращавшись, паехал да другой сястры, што в серебряном дворце, и в той также пагастив. Яна сказала яму, што брат яё Норка тяперь у меньшей сястры. Ён паехал да меньшей, што жила в залатом дворце. Ета сказала яму, што брат яё тяперь спит на синём море, а дале дала яму напицца сильной вады, дала меч-кладенец и сказала, штоб ён рубав главу брату адразу. Ён, выслухавши ета, паехал. Приезжая царевич к синяму морю, дивицца — аж спить Норка на камне, пасередине моря, и як храпé — да таго на семь вёрст аж вална бье. Ён перякрестився, пад'ехал к яму, ударив мечем па галаве. Галава адскачила да и кажа: «Ну тяперь жа я прапав!» — а дале и павалився у море.

Убивши зверя, царевич вярнувся, пабрав всех трех сястер с сабою, штоб вывести их на етат свет; бо все яго любили и не хатели з им растацца. Кажная из их из свайго дворца зрабила яичко (бо были валшебницы); яго научили, як из яичка зрабить дворец, и наабарот, аддали яму яички и пашли к таму месту, где трэба было падымацца на сей свет. Як пришли яны к

канату, царевич, пасадив девушек, дерганув за канат; ён закалыхався, браты паташили. Як выташили да пабачили диковинных красавиц, аташли ад их да и кажутъ: «Пустим канат, падымем брата, канат перярежим, нехай убьецца, а то ён нам не даст сих красавиц замуж». Во, сгаварившись, пустили канат: брат быв не промах, дагадався, што братья думаютъ, узяв да и палажив камень, дерганув; братья падняли его высóко да и перярезали канат. Той камень упав и разбився. Ён заплакав да и пашов.

Ишов, ишов царевич. Во як паднялась буря, заблискала маланья, загремев гром, полився дождь. Ён пришов к деряву, штоб захаватца пад ним; глядять, аж на том деряве маленькие птушки савсем измокли; ён изняв с сабе адёжу да и накрыв их, а сам сев пад деревьям. Кали лятить птица, да такая вяликая, што и свет затмився: то было тёмна, а то яще патямнело. То — матка тых птушак, што накрыв царевич.

Прилятевши, тая птица як пабачила, што яё дятёшаты адеты, и кажа: «Хто накутав маих птушак?» — а дале, пабачивши царевича, и кажа: «Ета ты зрабив? Спасибо тебе. Чаго хочеш, праси ад мяне за ета; все сделаю для тебе!» Ён кажа: «Выняси мяне на тей свет». Яна гавóря: «Зраби ж ты вяликий засек, налави всякай дичи да накидай туда, а в другую плавину налий вады, штоб было чим мяне кармить». Царевич все зрабив. Тая птица, — взявши етат засек на сабе, а царевич сев у серядине, — палятела.

Лятевши чи багата, чи мала — вынясла яго, папращалась и палятела; а ён пашов да и пристав к одному партному у хлопцы: такой он быв абодранный, так перемянився, што и невдамет, што царский сын. Ставши у таго хазяина за работника, царевич начав спрашувать, што у их царстве и як? Той хазяин и кажа: «Наши два царевича (бо третий прапав) привязли с таго света невест и хочуть жаницца, да тыя невесты упирують: хочуть, штоб им к вянцу нашить всякага платья, такога, як у них было на том свете, и без мерки. Царь звав всех мастяров, да не адин не бярецца». Выслухавши все ета, царевич и кажа: «Иди, хазяин, к царю и скажи, што ты нашиеш все па твайму ремяслу». Хазяин и кажа: «Чи мяне ж брацца за такая платья? Я шию на простонародья». Царевич кажа: «Иди, хазяин! Я отвечаю за всё». Той хазяин пашов. Царь быв рад, што нашовся хоть адин мастяр; дав яму денег, сколько ён хатев. Хазяин той, справившись, прихóдя дамов. Царевич и гавóря яму: «Ну, мались богу да лажись спать; завтра все будя гатова». Ён паслухав свайго парабка, лег спать.

Звярнуло с павночи. Царевич встав, пашов за горад — на поле, выняв из кармана тыя яички, што дали яму невесты, и, як научили яго, зделав из их

три дварцы; вашов, пабрав у каждом их платья, вышав, звярнув тые дварцы в яички и пашов дамов. Пришовши, развешав платья на стяне да и лег спать. Рано праснувся хазяин, глядь — аж висить такая платья, што ён и не видав! Все сые златом, да серебром, да камнями самоцветными. Ён зрадовавсь, взяв панёс тоя платья к царю. Царевны, як убачили, што то платья, што у их на том свете, дагадались, што Иван-царевич на сем свете, переглянулись да и замовкли. Хазяин той, аддавши платья, пашов дамов, да не застав уже свайго дарагога работника. Ён пашов да пристав к башмашнику, да и таго паслав к царю, и той зарабив; только абхадив ён всих мастяров, и усе благодарили яго, што наживались чрез яго у царя.

Як абхадив царевич-работник всих мастяров, царевны палучили сваё желанье; у их всё платья было такая, як на том свете; только яны горько плакали, што царевич не прихóдя, а наравить, было нельзя, нада бы́ла вянчацца. Як сабрались к вянцу, меньшая невеста и кажа царю: «Пазвольте мне, батюшка, пайти самой падарить нищих!» Ён пазволив. Яна пашла и начала дарить да приглядацца. Падхóдя к аднаму; як стала давать яму деньги, пабачила кольцо, што дала царевичу на том свете, и кольца сястер сваих (бо то быв ён!), —хватила яго за руку, и привяла яго в комнату, и кажа царю: «Во той, што нас вывяз из таго свету! Братья, кажа, запрятили гаварить нам, што ён жив, и абещали пабить нас, кали мы скажем». Царь на тых сынов рассярдився, наказав их, як сам знав; а после гуляли три свадьбы, и я там быв, мед-вино пив, в роте не было, а только па бараде тьякло.

(Записано в г. Погаре Черниговской губ. учителем Н. Матросовым.)

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.